

А. Г. Печатнова

НЕОДАМОДЫ В СПАРТЕ

Неодамоды как особая социальная группа спартанского общества сформировалась, по-видимому, в начале Пелопоннесской войны. Выделившись из всего корпуса илотов, она вместе со своим новым статусом получила и новое словесное оформление. Хотя термин «неодамод» (ὁ νεοδαμώδης) кажется совершенно прозрачным, впрочем как и многие другие слова, относящиеся к спартанской социальной терминологии¹, однако при переводе и толковании его могут возникнуть некоторые затруднения. Этот термин можно переводить и как «новые граждане» и как «люди, вновь присоединенные к народу»².

Известное несоответствие между реальным статусом неодамодов и словесным оформлением этой группы спартанского населения было замечено давно. И в зависимости от различного толкования как самого термина, так и всего комплекса источников, относящихся к неодамодам, решался и вопрос о возможном их гражданстве.

Первая группа ученых, начиная с У. Карштедта, считает неодамодов спартанскими гражданами. «Нужно подчеркнуть, — пишет У. Карштедт, — что неодамоды отнюдь не являются гражданами второго сорта, нет, это полноправные граждане без какого-либо правового ущерба по сравнению со старым гражданством»³. Основным и, пожалуй, самым серьезным аргументом У. Карштедту служит значение самого термина «неодамоды». При этом он ссылается на glossу Гезихия, где слово *δαμώδης* является синонимом к *δημόται* и толкуется как «граждане с полными правами у лаконцев»⁴. В качестве доказательства приводится также текст Диодора (XIV. 36.1), где упомянутые у Ксенофонта неодамоды (Hell. III.1.4) фигурируют уже как граждане *οἱ πολῖται*.

Точку зрения У. Карштедта, правда с известными оговорками, разделяют и некоторые современные исследователи. Так, например, К. Краймс включает неодамодов в число спартанских граждан, хотя, по ее мнению, это гражданство и было «второго сорта»; ее точка зрения основывается на предположении о наделении неодамодов землей⁵. С развернутой ар-

¹ Например, «гомеи», «гипомеионы», «пернеки», «криптии» и т. д. См. *Finley M. I. Sparta // Finley M. I. The Use and Abuse of History. L., 1975. P. 239. Not. 7.*

² О значении термина «неодамоды» см. *Kahrstedt U. Griechisches Staatsrecht. Bd I. Göttingen, 1922. S. 46; Ehrenberg V. Neodamodeis // RE. 1935. Bd 16. Hbbd 32. Sp. 2396, 2401; Oliva P. Sparta and her social problems. Prague, 1971. P. 169 f.*

³ *Kahrstedt. Op. cit. Bd I. S. 46.*

⁴ *Hesych. S. v. δαμώδης· δημόται, ἢ οἱ εὐτελεῖς παρὰ Λάκωνι.* Правда, тот же Гезихий под неодамодами понимает только освобожденных илотов и ничего больше (*Hesych. S. v. νεοδαμώδεις, οἱ κατὰ ὄσον ἐλεύθεροι ἀπὸ τῆς εἰλωτίας*). Так же толкует этот термин и Сuida (*Suidas. S. v. νεοδαμώδεις, ὁ ἐλεύθερος παρὰ τοῖς Λακεδαιμονίοις*).

⁵ *Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. Manchester, 1952. P. 39.*

гументацией той же самой идеи выступил и Р. Уиллетс в специальной статье, посвященной неодамодам⁶; его вывод о гражданстве неодамодов основан на том факте, что неодамоды служили в армии в качестве голпитов и значит, по крайней мере в начале Пелопоннесской войны, должны были экипировать себя за собственный счет, что во всех греческих полисах являлось «нормальной процедурой для граждан»⁷. Как и К. Краймс, Р. Уиллетс считает, что неодамоды получали от государства землю и на доходы с нее могли себя вооружать. Мнение о гражданстве неодамодов разделяет также М. Финли⁸.

Вторая группа исследователей отказывает неодамодам в каких-либо гражданских правах. Так, Г. Бузолт и В. Эренберг на том основании, что состояние источников не дает возможности решить этот вопрос положительно, склоняются к мнению, что неодамоды, подобно афинским метекам, были лично свободны, но не имели никаких гражданских прав⁹. Косвенное подтверждение тому они находят в рассказе Ксенофонта о заговоре Кинадона (Hell. III.3.5—6). Даже сам порядок перечисления у Ксенофонта неполноправных групп населения, по мнению этих ученых, свидетельствует о том, что неодамоды по своему статусу занимали место где-то между илотами и гипомейонами. А. Тойнби также полагает, что неодамоды не обладали какими-либо политическими правами спартанского демоса, поскольку они не были организованы, подобно спартиатам, в сиситии и не владели клерами¹⁰. К этому же мнению присоединяются А. Гомм и П. Олива, а среди советских ученых — С. Я. Лурье и Н. И. Голубцова¹¹.

Более аргументированной нам представляется точка зрения тех ученых, которые считают неодамодов спартанскими гражданами. Конечно, в таком кастовом государстве, каким была Спарта, неодамоды не могли сразу же смешаться со спартиатами, и в этом смысле их гражданские права бесспорно были «второго сорта». Их готовность участвовать в заговоре Кинадона ясно указывает на то, что свое положение в обществе они считали не совсем удовлетворительным, впрочем, как и гипомейоны, в гражданстве которых вряд ли можно сомневаться. Олигархический характер спартанского государства во многом и определялся наличием внутри гражданского коллектива нескольких ступеней гражданства. Таким образом, община «равных», как себя декларировала Спарта, была весьма далека от подлинного экономического и социального равенства своих граждан. Отсюда раскол гражданского коллектива и стремление спартанского демоса (куда, без сомнения, можно отнести и неодамодов) к социальной революции.

Возвращаясь к вопросу о гражданстве неодамодов, хочется заметить, что наша традиция сохранила примеры, свидетельствующие о включении в гражданский коллектив больших групп ранее несвободного населения типа спартанских илотов. Так случилось, например, в 491 г. с сиракуз

⁶ Willetts R. F. The Neodamodeis // CP. 1954. V. 49. № 1.

⁷ Ibid. P. 28.

⁸ Finley. Op. cit. P. 171.

⁹ Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Hft 2. München, 1926. S. 668. Anm. 2; Ehrenberg. Op. cit. Sp. 2396—2401.

¹⁰ Toynbee A. The Growth of Sparta // JHS. 1913. V. 33. P. 266. Not. 80.

¹¹ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. V. IV. Oxf. 1970. P. 34; Oliva. Op. cit. P. 168 f.; Ксенофонт. Греческая история / Пер., вступ. ст. и комм. С. Лурье. Л., 1935. С. 227; Голубцова Н. И. К вопросу о внутреннем полжении Спарты в начале IV в. до н. э. // Труды МГИАИ. 1958. Т. 12. С. 253.

скими киллириями. Им дарованы были гражданские права за активное участие в демократическом перевороте (Herod. VII. 155; Dion. Hal. Ant. Rom. VI. 62; Hesych., Phot., Suid. S. v. Κυλλίριοι). Подобная практика — апелляция государства или отдельной партии в экстремальных условиях к неполноправным группам населения и наделение последних в случае успеха гражданскими правами — была вполне обычной для греческих полисов. Так киллирии стали сиракузскими гражданами, оказав действительную помощь демократическому блоку Сиракуз, а неодамоды могли быть приобщены к гражданскому сословию за свою военную службу в тяжёлый для Спарты период Пелопоннесской войны.

Первое упоминание о неодамодах относится к 421 г. (Thuc. V.34.1)¹². Из контекста Фукидида ясно, что к этому времени неодамоды уже выделились в особую категорию лиц, отличную как от илотов (ср. также Thuc. V.67.1), так и от других групп спартанских вольноотпущенников (Munro ap. Athen. 271 f.)¹³. В последний раз неодамоды действуют в греческой истории в 370/69 г. (Xen. Hell. VI.5.24). Таким образом, временной диапазон их надёжно зафиксированного существования составляет 50 лет, с 421 по 370 г. В дальнейшем о неодамодах говорится или в связи с этим особым периодом спартанской истории (Пелопоннесская война и гегемония Спарты), или в общих лексиконах (например, у Гезпахия и Свида). Именно в такие временные рамки помещают неодамодов и большинство современных исследователей¹⁴. Хотя, как нам кажется, полное отсутствие упоминаний о деятельности неодамодов после 370 г. вполне можно объяснить иначе: во-первых, спецификой наших источников¹⁵ (ведь рассказ Ксенофонта вскоре после этого времени прерывается), во-вторых, фактическим уменьшением социальной значимости неодамодов, в которых Спарта после крушения своей гегемонии уже не испытывала острой нужды.

Думать, что после 370 г. неодамоды раз и навсегда исчезли в Спарте, по-видимому, нет оснований. Они вполне могли существовать здесь в течение всего классического и эллинистического периодов. Отсутствие же упоминаний о них в источниках, по мнению К. Краймса, объясняется тем, что более поздние авторы, начиная уже с Аристотеля, не понимали разницы между илотами и неодамодами и потому постоянно объединяли

¹² Здесь и далее мы будем придерживаться хронологии, предложенной Э. Бикерманом (Хронология древнего мира. М., 1976).

¹³ О существовании каких-то других категорий освобожденных илотов кроме неодамодов нам известно только из отрывка Мирона, сохраненного у Афиней. Кроме неодамодов Мирон называет еще четыре группы освобожденных рабов (δοῦλοι), которых большинство ученых считает именно илотами, а не рабами в обычном значении этого слова. Свидетельство Мирона, конечно, является ценным доказательством существования нескольких категорий илотов-вольноотпущенников, среди которых самой значительной группой были неодамоды. По-видимому, в классической и эллинистической Спарте манумиссия илотов не была редким явлением. Анализ перечисленных Мирона групп вольноотпущенников см.: Busolt, *Swoboda*. Op. cit. Ht 2. S. 667. Anm. 5; Ehrenberg. Op. cit. Sp. 2399; Willetts. Op. cit. P. 27 f.; Oliva. Op. cit. P. 171 ff.

¹⁴ См., например: Kahrstedt. Op. cit. Bd I. S. 48; Ehrenberg. Op. cit. Sp. 2396; Gomme et alii. Op. cit. V. IV. P. 36; Oliva. Op. cit. P. 166.

¹⁵ Основные сведения о неодамодах нам сохранили Фукидид и Ксенофонт — историки, являющиеся современниками описываемых ими событий. Они были прекрасно знакомы с внутренней структурой спартанского государства и тонко разбирались в социальной терминологии (последнее главным образом относится к Ксенофонту; ср., например, Xen. Hell. III.3.6). Более поздние авторы, возможно, же не улавливали всех тонкостей социальной структуры спартанского государства. Наглядный пример тому — Дюдор, который называет неодамодов, посланных в 400 г. вместе с Фиброном, гражданами (XIV.36.1: οἱ πολῖται; ср. Xen. Hell. III.1.4).

их общим родовым понятием «илоты»¹⁶. Пытаясь найти следы неодамодов, К. Краймс дает свое оригинальное толкование целому ряду спорных мест. Приведем несколько примеров. Так, согласно Плутарху, Клеомен III для борьбы с Антигоном освободил шесть тысяч илотов при условии внесения ими пяти аттических мин с каждого (Сleit. 23). К. Краймс считает, что здесь произошла путаница понятий и под илотами Плутарха в действительности надо понимать неодамодов, поскольку, по ее словам, пять мин — сумма, невозможная для илота¹⁷. Остроумным нам представляется также толкование К. Краймса выражения «Lacedaemoniis adscripti» Тита Ливия (34.27.2; 38.34.6) как латинского варианта греческого термина «неодамоды»¹⁸.

Рассмотрим теперь те места у Фукидида и Ксенофонта, где фигурируют илоты или неодамоды в качестве гоплитов. Первый раз илоты в таком качестве были использованы в Халкидической кампании 424 г. (Thuc. IV.80.5), хотя сама идея, по-видимому, появилась несколько раньше. Так, Фукидид рассказывает об избении двух тысяч илотов, которым спартанцы обещали свободу (IV.80.4). Судя по всему, массовая резня этих илотов произошла уже после официального акта их освобождения, возможно, где-нибудь в военном лагере, куда их удалили для обучения и экипировки. Г. Бузолт связывает этот факт с оккупацией афинянами Пилоса и массовым бегством туда илотов (Thuc. IV.41.3)¹⁹. По-видимому, испуг спартанцев был столь велик, что они, поддавшись панике, пересмотрели свое прежнее решение и сочли за благо избавиться от ими же созданной илотской армии. Через год (возможно, по инициативе Брасида) спартанцы вновь вернулись к этой идее и отправили с Брасидом во Фракию корпус, состоящий из 700 илотов и неизвестного числа наемников (Thuc. IV.80.5). Это была первая спартанская армия, в число которой не входило ни одного спартиата, за исключением разве что самого Брасида²⁰. Освобождены илоты Брасида были уже после возвращения из

¹⁶ См. *Chrimcs*. Op. cit. P. 40, 217. Хотя возможен и другой вариант: античные писатели после Ксенофонта могли не понимать, что такое неодамоды и путать их с илотами в том случае, если в их время неодамодов в Спарте уже не существовало.

¹⁷ *Chrimcs*. Op. cit. P. 40, 217. Насколько мы знаем, илоты страдали не столько от экономического, сколько от политического бесправия. Спартанское государство тщательно регламентировало экономические претензии своих граждан по отношению к илотам, и последние вполне могли иметь некоторый достаток (*Plut.* Lyc. 8; *Moral* 239 DE).

¹⁸ См. *Chrimcs*. Op. cit. P. 39 ff. Это выражение, как правильно считает К. Краймс, вполне могло относиться к илотам, «не просто эмансипированным, но и получившим определенную форму гражданства» (p. 40). Это следует из того значения, которое вкладывали в слово *adscripti* римские писатели. В римском гражданском праве глагол *adscribe* означал «внести в список», т. е. «принять в число граждан». Именно в таком значении этот термин неоднократно употребляется Цицероном в речи в защиту поэта Архия (IV). Поэтому коль скоро Тит Ливий, цитируя декрет Ахейского союза, употребляет по отношению к илотам, «освобожденным тиранами», выражение *Lacedaemoniis adscripti* (38.34.6), то под ними он, конечно, понимает граждан, вновь приписанных к спартанской общине. К. Краймс думает, что так Тит Ливий перевел на латинский термин «неодамоды», который, по ее мнению, стоял в греческом подлиннике. В принципе в этом нет ничего невозможного, и вряд ли в этой связи можно согласиться с мнением П. Оливь, который подобного рода аналогии считает «чистой фикцией». Полемику П. Оливь с К. Краймсом см.: *Oliva*. Op. cit. P. 167 f., 280.

¹⁹ *Busolt G. Griechische Geschichte*. Bd III². S. 1111. Anm. 1. См. также: *Голубцова*. Ук. соч. С. 255; *Oliva*. Op. cit. P. 165. Not. 3; P. 168.

²⁰ Согласно традиции, Брасид, так же как Гилипп и Лисандр, был мофаком (*Ael.* V. h. XII.43; ср. *Phylarch.* ap. Athen. 271 e—f).

Фракийского похода, по-видимому, осенью 421 г.²¹ Во всяком случае, именно такой вывод можно сделать на основании сообщения Фукидида о совместном поселении бывших илотов Брасида и неодамонов в Лепрее: «Тем же летом вернулось из Фракии войско, отправленное туда во главе с Брасидом... Лакедемоняне решили (ἐψηφίσαντο) даровать свободу илотам, сражавшимся под начальством Брасида, с правом жить где угодно» (V.34.1) Постановление это, судя по употребленному Фукидидом глаголу ψηφίζουσι, скорее всего было вынесено спартанской апеллой. В знак признательности за отличную службу илотам кроме свободы было даровано также почетное право «жить где угодно». Это первое упоминание о неодамодах, которое мы встречаем у Фукидида. Из контекста ясно, что неодамоды уже какое-то время существовали как вполне сложившаяся группа. Однако в 424 г. перед Фракийским походом их в распоряжении Брасида еще не было. Исходя из этого сообщения Фукидида большинство исследователей полагают, что неодамоды скорее всего появились именно в этот промежуток между 424 и 421 гг.²²

Неодамоды упоминаются в источниках чаще всего именно в связи с их набором в армию. В эту эпоху (421—370 гг.) их усиленно использовали во всякого рода военных операциях Спарты, главным образом заграничного характера²³. Перечислим все известные нам случаи участия неодамонов в военных кампаниях Спарты. Так, в 418 г. они участвовали в битве при Мантинее вместе с «солдатами Брасида» (Thuc. V.67.1). В 413 г. на помощь Сиракузам под руководством спартамца Эккрита было послано около 600 «самых лучших илотов и неодамонов» (Thuc. VII.19.3), а позднее с Гилиппом отправлен еще один отряд, также состоящий из илотов и неодамонов (VII.58.3). В последующие годы илоты в качестве гоплитов больше не фигурируют, их полностью заменяют неодамоды²⁴.

²¹ Эд. Мейер, А. Тойнби и В. Эренберг полагают, что илоты Брасида были освобождены до Фракийского похода и уже тогда получили статус неодамонов (*Meyer Ed. Geschichte des Altertums*, Bd IV. Stuttgart, 1901. S. 399; *Toynbee*. Op. cit. P. 270. Not. 92; *Ehrenberg*. Op. cit. Sp. 2397); К. Мичелл идет еще дальше, принимая за первых неодамонов две тысячи уничтоженных спартамцами илотов (*Michell H. Sparta*. Cambr., 1952. P. 251). Однако эти предположения не подкрепляются данными античной традиции.

²² См., например: *Busolt, Swoboda*. Op. cit. Ht 2. S. 668. Anm. 1; *Gomme et alii*. Op. cit. V. IV. P. 35 f.; *Oliva*. Op. cit. P. 166, 170; *Andrewes A. Spartan imperialism? // Imperialism in the Ancient World / Ed. by P. Carnsey*. Cambr. 1978. P. 99. Однако возможно, что неодамоды как одна из категорий спартанских вольноотпущенников существовали в Спарте и раньше, но использоваться в качестве гоплитов стали только в начале Пелопонесской войны. По этому поводу Р. Уиллетт пессимистически замечает, что неодамоды «как особая категория лиц... могла возникнуть и несколько веков, и несколько лет назад» (*Willets*. Op. cit. P. 27).

²³ По-видимому, именно удачный эксперимент с илотами Брасида повлиял на решение Спарты учредить армию неодамонов. Бесспорно, это был обдуманный государственный акт. Уже экспедиции Кнемона, Еврибиада и Брасида показали необходимость создания такого рода армии. Ведь при спартанской олигантропии, которая к началу Пелопонесской войны была уже достаточно чувствительной, Спарта не могла проводить многочисленные военные кампании силами только своего гражданства. «Около 425 г., — пишет П. Картледж, — спартанская олигантропия стала критической. Не может быть простым совпадением, что как раз в это время появились в наших источниках „брасидяне“ и „неодамоды“» (*Cartledge P. Sparta and Lakonia*. L., 1979. P. 311). О проблемах спартанской олигантропии см.: *Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 107 сл.; *Cavaignac E. La population du Péloponnèse aux IVe siècles // Klio*. 1912. Bd XII. P. 261 f., 268; *Chrimes*. Op. cit. P. 348 ff.; *Willets*. Op. cit. P. 30 f.

²⁴ По-видимому, постепенно стала возобладать система освобождения илотов и перевода их в состав неодамонов до, а не после военной кампании, отсюда и исчезнове-

В 412 г. отряд из 300 неодамодов во главе двух спартиатов был послан на Эвбею (Thuc. VIII.5.1). В 409 г. небольшой отряд неодамодов находился у Клеарха в Византии (Xen. Hell. I.3.15). Далее упоминаний о неодамодах в источниках нет вплоть до 400 г., когда вместе с Фиброном в Малую Азию отправилась пятитысячная армия, состоящая из одной тысячи неодамодов и четырех тысяч союзников из Пелопоннеса (Xen. Hell. III.1.4; Diod. XIV.36.1). В 396 г. Агесилай взял с собой в Малую Азию кроме шести тысяч союзников две тысячи неодамодов. Спартиаты в его армии, как и у Фиброна, составляли уже только офицерский корпус (Xen. Hell. III.4.2; Ages. I.7; Plut. Ages. 6.4). По свидетельству Ксенофонта, один из 30 спартанских офицеров, прибывших с Агесилаем, возглавлял отряд неодамодов в его армии (Hell. III.4.20). По-видимому, этот же отряд неодамодов вместе с наемниками участвовал в 394 г. в битве при Коронее (Xen. Hell. IV.3.15). В 382 г. в число спартанских войск, посланных против халкидян, входил также небольшой отряд неодамодов (*ibid.* V.2.24).

В 70-е годы IV в. неодамоды в качестве гоплитов в источниках появляются дважды. Первый раз — в 374 г., когда спартиаты предполагали послать отряд неодамодов в Фессалию для борьбы с ферским тираном Ясоном, однако посольство из Фарсала наотрез отказалось от их помощи как совершенно неудовлетворительной (Xen. Hell. VI.1.14). Наконец, в последний раз неодамоды появляются в 370 г. Во время похода Эпаминонда в Пелопоннес аркадянами был взят спартанский пограничный пост в Ойе, где находился отряд, состоящий из неодамодов и 400 тегейских изгнанников (*ibid.* VI.5.24—26). Весь отряд был перебит.

Перечень всех этих мест в Фукидида и Ксенофонта, где упоминаются неодамоды, дает возможность сделать некоторые выводы как о первоначальной численности неодамодов, так и о динамике их роста. По-видимому, в течение Пелопоннесской войны общее их количество не превышало 2 тысячи человек. Спартанское правительство, конечно, тщательно регулировало их численность и больше не повторяло, по крайней мере во время Пелопоннесской войны, своего неудачного опыта с одновременным освобождением сразу большого количества илотов (ср. Thuc. IV.80.4). Страх перед столь значительной армией недавних илотов, с одной стороны, а также финансовые трудности по их содержанию — с другой, должны были заставить Спарту тщательно регулировать численность неодамодов и производить набор небольшими партиями в несколько сот человек. Так, с Брасидом в 424 г. было послано 700 илотов (Thuc. IV.80.5). В 421 г. эти экс-илоты Брасида вместе с неодамодами были поселены в Лепрее. Их общая численность, по-видимому, составляла тысячу человек (ср. Thuc. V.49.1). Таким образом, первый известный нам отряд неодамодов не превышал 400—500 человек (исходя из того, что во Фракии могло погибнуть из 700 илотов человек сто или двести). В 413 г. спартиаты дважды отправляли небольшие отряды неодамодов в Сицилию численностью в 300—400 человек каждый (Thuc. VII.19.3; 58.3). Год спустя отряд в 300 неодамодов был отправлен на Эвбею (Thuc. VIII.5.1). Даже если предположить, что гарнизон Агиса в Декелее частично состоял из неодамодов, все равно их общая численность в ходе Пелопоннесской войны не должна была превышать 2 тысячи человек²⁵.

После Пелопоннесской войны контингент неодамодов был увеличен

ние упоминаний об илотах-гоплитах вплоть до 370/69 г., когда при нападении Эпаминонда илотам за военную службу была обещана свобода (Xen. Hell. VI.5.28 — 29).

²⁵ Эту цифру отстаивает А. Тойнби (Op. cit. P. 266. Not. 80).

и составлял, по-видимому, 3 тысячи человек. Во всяком случае, в 400 г. с Фиброном была послана тысяча неодамонов, а в 396 г. с Агесилаем — 2 тысячи (Хер. Hell. III.1.4; 4.2). В дальнейшем мы ни разу больше не слышим о таких значительных армиях неодамонов. По-видимому, на 90-е годы IV в. приходится апогей их использования в качестве военной силы.

Вышеназванные свидетельства показывают, что в эту эпоху (421—370 гг.) наличие неодамонов было достаточно частым явлением. Их количество к концу V в. уже превышало общее количество спартиатов, и для спартанской армии они стали своеобразным «резервуаром, из которого можно было черпать по мере надобности»²⁶. Практика вести войны почти полностью без спартиатов, начатая Брасидом, получила свое полное развитие в ходе Пелопоннесской войны и усиления гегемонии Спарты. Незначительные вначале отряды неодамонов разрослись «до самой сильной после союзников и наемников части войска и заняли в спартанской армии место периеков и спартиатов»²⁷.

Сам факт включения неодамонов как гошлитов в спартанскую военную систему заставляет обратиться к вопросу их финансирования и вооружения. К сожалению, источники хранят по этому поводу почти полное молчание, предоставляя тем самым большое поле для всякого рода гипотез. Так, по мнению Р. Уиллетса, неодамоды должны были экипировать себя сами, так как Спарта была слишком бедна для этого; в поисках возможных средств для вооружения неодамонов он выдвигает идею, что неодамоды за свою службу получали от государства участки земли, клеры. «Неодамоды, — считает Р. Уиллетс, — могли иметь средства для своей экипировки только в том случае, если при отсутствии наследников к ним попадала земля, освобожденная от налогов. Обязанность илотов содержать своих господ трансформировалась бы таким образом в обязанность нести военную службу»²⁸. На это Р. Уиллетсу вполне резонно возражает П. Олива, указывая на то, что у нас нет никаких свидетельств о существовании в Спарте каких-либо «вакантных клеров»²⁹. Наоборот, античная традиция утверждает, что как раз в этот период в Спарте происходил процесс перераспределения земельной собственности, сопровождавшийся, с одной стороны, образованием обширных имений богатых спартиатов, а с другой — обнищанием части граждан, потерявших свои клеры и в силу этого выбывших из гражданского сословия (речь идет о так называемых гипомейонах)³⁰. Все это, конечно, делает гипотезу Р. Уиллетса о «вакантных клерах» маловероятной.

Кроме того, стоило бы указать и на то, что в определенных случаях илоты бесспорно вооружались за государственный счет (например, илоты Брасида). Почему же не предположить, что спартанское государство, которое даже в начале Пелопоннесской войны находило средства для экипировки илотов и для выплаты жалованья наемникам (ср. Thuc. IV.80.5), не могло не найти средств для вооружения сравнительно небольших отрядов неодамонов³¹. Скорее всего во время Пелопоннесской войны

²⁶ Kahrstedt. Op. cit. Bd I. S. 304.

²⁷ Ehrenberg. Op. cit. Sp. 2398.

²⁸ Willetts. Op. cit. P. 31.

²⁹ Oliva. Op. cit. P. 168 f.

³⁰ О социально-экономических процессах, происходящих в Спарте в этот период, см. Печатнова Л. Г. Социально-экономическая ситуация в Спарте на рубеже V—IV вв. до н. э. (закон Эцистадея) // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 32—48.

³¹ Версия П. Оливы, что их экипировка была обязанностью тех спартиатов, к чьим клерам они раньше были приписаны, кажется малоубедительной (Oliva. Op. cit.

неодамоды содержались на средства Пелопоннесской лиги. Позже с притоком богатств в Спарту и с поступлением фороса от союзников увеличались и финансовые возможности Спарты, что позволило ей необычайно усилить свой резерв из неодамодов (Xen. Hell. III.1.4.2)³². Как полагает В. Эренберг, в промежутки между кампаниями неодамоды размещались в казармах, расположенных или в самой Спарте или в ближайших периекских общинах³³.

По-видимому, гоплиты из числа неодамодов не отличались высокими профессиональными достоинствами и не ценились так, как гоплиты-спартиаты. Об этом, в частности, свидетельствует отказ Полидаманта от отряда неодамодов (Xen. Hell. VI.1.14: «Если же вы захотите отделаться отправкой в Фессалию отряда неодамодов под командой одного из граждан (ἄνδρα ἰδιώτην), то я советую вам не мешаться в это дело» — пер. С. Лурье). По-видимому, посольство из Фарсала хотело получить от спартанцев армию, хотя бы часть которой состояла из спартиатов и возглавлялась царем.

В. Эренберг низкое качество неодамодов как гоплитов объясняет отсутствием у них правильной военной подготовки. «Крепостным крестьянам и рабам,— пишет он,— только недавно взявшимся за военное дело, при отсутствии дисциплины и правильного воспитания, тяжело было стать гоплитами»³⁴. Другую причину малой эффективности армии неодамодов В. Эренберг усматривает в самом моральном духе неодамодов, в нежелании этих бывших илотов сражаться за Спарту и все спартанское. Действительно степень ненависти у неполноправных групп населения, к которым Ксенофонт относит и неодамодов, к господствующей элите была достаточно велика. Так, рассказывая о заговоре Кинадона 398 г., Ксенофонт замечает, что замыслы заговорщиков «совпадают со стремлениями всех илотов, неодамодов, гипомейонов и периеков: ведь когда среди них заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем» (Hell. III.3.6)³⁵. Так что внезапное исчезновение упоминаний о неодамодах в наших источниках, по-видимому, не случайно и соответствует действительному положению дел. Спартиаты в ближайшие после 370 годы, по-видимому, полностью отказались от использования неодамодов как гоплитов. С одной стороны, это было связано с объективными причинами — крушением спартанской

Р. 168. Not. 6). Как известно, права спартиатов на тех илотов, которые обслуживали их клеры, были сильно ограничены (Ephoros ap. Strabo. VIII.365). Этот особый статус илотов как государственных рабов хорошо зафиксирован нашей традицией. Так, у Эфора они названы *ἐπὶ ἐσίοις δοῦλοι* (Strabo. VIII.365), а у Павсания — *δοῦλοι τοῦ κοινοῦ* (III.21.6). Поэтому и гоплитская паноплия илотов, перешедших в разряд неодамодов, была заботой всей общины in toto.

³² Такую точку зрения на источник финансирования неодамодов высказывали А. Тойнби (Op. cit. P. 266. Not. 80) и Р. Картледж (Op. cit. P. 276).

³³ См. Ehrenberg. Op. cit. Sp. 2398 f.

³⁴ Ibid. Sp. 2399. Возможно, качество гоплитов из числа неодамодов с годами все более и более ухудшалось. По-видимому, это связано с изменением принципа отбора. Так, в период Пелопоннесской войны, пока спартиаты набирали небольшие отряды неодамодов, они осуществляли тщательный отбор претендентов (ср. Thuc. VII.19.31). По мере же увеличения численности неодамодов должны были понизиться и требования к ним.

³⁵ Нам кажется необудительной точка зрения П. Картледжа, который явно преуменьшает степень социальных разногласий и социальной вражды между спартиатами, с одной стороны, и всей массой неполноправных групп населения — с другой (Cartledge. Op. cit. P. 312 f.). Существующая традиция как раз свидетельствует об обратном, и изображать отношения между неодамодами и спартиатами в духе социальной гармонии, как это делает П. Картледж, нет никаких оснований.

гегемонии и прекращением заморских экспедиций, а с другой стороны, немалый вес, как кажется, имел и субъективный фактор: низкое качество гоплитов из числа неодамодов и политическая их неблагонадежность.

Если действительно после 370 г. отряды неодамодов были расформированы, то куда же девались оставшиеся не у дел несколько сот неодамодов? Как Спарта решила проблему с их «трудоустройством»? Возможно, как полагает П. Олива, когда спартанской гегемонии в Греции пришел конец и неодамоды потеряли свой *raison d'être*, многие из них остались на мессенской территории и стали гражданами мессенских городов³⁶. Возможно также, что часть неодамодов пополнила число греческих наемников-профессионалов. Остальные вполне могли осесть в тех местечках, куда их в свое время в качестве гарнизонных солдат поселили спартанцы. На этот счет есть очень важное сообщение Фукидида. Оказывается, в 421 г. спартанцы поселили в Лепрее, городке, находящемся на границе Элиды и Мессении, отряд, состоящий из неодамодов и бывших илотов Брасида. Последние были только что освобождены по возвращении из Фракии «с правом жить где угодно» (V.34.1: οἰκεῖν ὅπου αὐτοῖς βούληται). Выбор Лепрея, по-видимому, объяснялся наличием там свободных земель. Действительно, насколько нам известно, Лепрей, уже с давних пор тяготевший к Спарте³⁷, был аванпостом спартанской политики, направленной против Элиды. Незадолго до 421 г. спартанцы, вмешавшись в спор между Лепреем и Элидой, поспешили объявить Лепрей автономным и тут же послали туда весьма внушительный гарнизон (Thuc. V.31.1—5; ср. V.49.1). Поскольку Лепрей был объявлен спартанцами автономным при весьма сомнительных обстоятельствах, то, как полагает А. Гомм, «похоже, многие лепреаты отказались от дара автономии и эмигрировали в Элиду, покинув землю, которая была заселена освобожденными илотами и неодамодами»³⁸. Если это так, то Лепрей после 421 г. был открыт для колонизации, и Спарта, естественно, воспользовалась благоприятным случаем наделить землей ветеранов Брасида. Впоследствии по крайней мере часть этого гарнизона могла осесть в Лепрее и стать гражданами этого полиса.

Кроме Лепрея на территории Пелопоннеса мы знаем еще один пункт, где находился гарнизон неодамодов. По свидетельству Ксенофонта, такой гарнизон был расположен в местечке Ойе Скиритской области, возглавлял его спартанец Исхолай. В 369 г. весь гарнизон вместе с Исхолаем был уничтожен аркадянами (Xen. Hell. VI.5. 24—26; Diod. XV. 64.3—4).

Вероятно, гарнизоны в Лепрее и Ойе были не единственными. Спартанцы, возможно, всякий раз, когда неодамоды не требовались в действующей армии, селили их на границах в стратегически важных пунктах³⁹. По мнению К. Краймса, неодамоды получали там участки земли в наследственное пользование. Однако владеть этой землей они могли только продолжая служить в армии и не имели права по собственной воле изменить место жительства. «Их неспособность, — пишет К. Краймс, — состояла в наследственном обязательстве оставаться гарнизонными сол-

³⁶ Oliva. Op. cit. P. 169.

³⁷ В 479 г. отряд лепреатов сражался при Платеях (Herod. IX.28.4). Как полагает А. Гомм, Лепрей, по-видимому, был независим от Элиды и дружески настроен к Спарте. Такой тип отношений между ними сложился после 479 г. (Gomme et alii. Op. cit. V. IV. P. 27).

³⁸ Gomme et alii. Op. cit. V. IV. P. 36.

³⁹ См. Willetts. Op. cit. P. 28; Chrimes. Op. cit. P. 39 ff.

датами на земле, которая была дана им или их предкам»⁴⁰. Однако такие выводы можно сделать только путем известного насилия над текстом Фукидида (ср. V.34.1) и слишком вольного толкования его свидетельства о поселении неодамодов в Лепрее.

Подобно афинским клерухам, спартанские неодамоды в этих военно-земледельческих поселениях были переведены на полное самообеспечение — практика, вполне обычная для античных полисов с их слабой финансовой базой. Место же для подобных колоний неодамодов Спарта могла найти на территории многих общин Пелопоннеса, над которыми она осуществляла политический патронат. Таким образом, можно с большой долей вероятности предполагать, что по крайней мере часть неодамодов после 370 г. трансформировалась в граждан тех периекских и союзных Спарте общин, которые по той или иной причине были открыты для колонизации и обладали запасом «вакантной» земли⁴¹.

Подводя итоги, хочется отметить, что промежуток с 424 по 370 г. — это как раз период военной экспансии Спарты, период, когда она испытывала постоянную нужду в солдатах. Как верно подчеркивает В. Эренберг, «феномен неодамодов характерен был для особой ситуации до и после 400 года. Лишь сильное военное напряжение Спарты во время Пелопоннесской войны, когда убывающее гражданство никак не могло обеспечить нужду в людях, было причиной того, что освободили так много илотов, которым предоставили особое положение»⁴². Заменяя спартиатов в армии, неодамоды по сути дела представляли собой эрзац гражданского ополчения. Важно отметить, что отряды неодамодов никогда не смешивались с гражданскими полками: они не входили в спартанские лохи (ср. Thuc. V.67.1) и моры (Xen. Hell. IV.3.15), а представляли собой особый контингент гоплитов в спартанской армии⁴³. Наличие в конце V — начале IV в. достаточно многочисленного контингента вольноотпущенников в Спарте, конечно, свидетельствует о каком-то глубинном не только

⁴⁰ *Chrimes*. Op. cit. P. 39.

⁴¹ Очень остроумной, хотя и недостаточно убедительной, представляется нам концепция У. Карштедта, с помощью которой он пытается доказать закономерный характер исчезновения после 370 г. всего сословия неодамодов. По его мнению, неодамоды за свою службу получали от государства землю и, таким образом, обеспечивали своим сыновьям воспитание, аналогичное тому, какое получали спартиаты. «А поскольку сыновья неодамодов уже имели и землю и спартанское воспитание, то, следовательно, — делает вывод У. Карштедт, — они уже переставали быть неодамодами и превращались в обычных граждан, как все прочие спартиаты» (*Kahrstedt*. Op. cit. Bd I.S. 48). То, что само наименование «неодамоды» в последний раз появляется в 370 г., У. Карштедт объясняет простой сменой поколений. По его подсчетам, неодамоды набора 425—404 гг. к 370 г. уже все должны были уйти в запас, а поскольку после 394 г., как он думает, новых наборов не производилось, то вполне естественно, что к 370 г. неодамоды полностью исчезли (ведь их дети уже были гражданами). Такова вкратце версия У. Карштедта (Op. cit. Bd I. S. 46 ff.). В конспективном виде ту же точку зрения на детей неодамодов как полноправных граждан до У. Карштедта высказывали К. Германи и Г. Шоманн (*Hermann K. F. Lehrbuch der Griechischen Staatsaltertümer*. Abt. 1. Freiburg, 1889. S. 175; *Schömann G. F., Lipsius J. H. Griechische Altertümer*. Bd I. B., 1897. S. 205). Правда, если бы дети неодамодов действительно влились бы в гражданский коллектив, то как тогда объяснить зафиксированное нашей традицией резкое сокращение числа спартиатов (если в 418 г. было еще около двух тысяч военнообязанных спартиатов, то в 371 г. их количество не превышало тысячи).

⁴² *Ehrenberg*. Op. cit. Sp. 2399 f.

⁴³ У. Карштедт полагает, что такое отъединение неодамодов от спартиатов в армии объясняется тем, что сиситни, на основе участия в которых формировалось гражданское ополчение, «отказывались теперь жить бок о бок, по-товарищески с прежними плотами, и потому государству ничего не оставалось, как организовать неодамодов самостоятельно и образовать из них отъединенные от граждан специальные отряды» (*Kahrstedt*. Op. cit. Bd I. S. 47).

военном, но и социально-экономическом перерождении спартанского общества. Ведь массовое вольноотпущенничество всегда являлось индикатором кризисных явлений в античных государственных структурах.

С появлением неодамодов прежняя схема, компонентами которой были, с одной стороны, спартиаты, а с другой — илоты и периеки, потеряла свой простой и однозначный характер. Усложнились социальные связи между всеми членами общества, поскольку возникли новые промежуточные звенья между классами господ и рабов.

Неодамоды, выделившись из всего корпуса плотов, вместе со свободой, по-видимому, приобрели и некоторые права гражданства. Однако, подобно римским либертинам, они считались ниже спартиатов. Если в Риме либертинов записывали в менее почетные городские трибы, то в Спарте для неодамодов наверняка закрыт был доступ во многие сисситии. И те и другие отбывали воинскую повинность отдельно от гражданского ополчения: либертины главным образом во флоте, неодамоды — в отдельных подразделениях гоэлитской армии. Хотя неодамоды вполне могли быть допущены в спартанскую апеллу, однако не исключено, что с ростом числа неодамодов спартиаты только для гомеев создали так называемую малую экклесию, наличие которой в Спарте зафиксировано, но не объяснено Ксенофонтом (Hell. III.3.8) ⁴⁴.

---

⁴⁴ «Малая экклесия» в источниках больше нигде не упоминается. Но этот текст Ксенофонта — достаточная гарантия того, что подобный институт действительно существовал в Спарте. Скорее всего речь идет о собрании гомеев. Такой точки зрения придерживаются Л. Брайтенбах, В. Г. Васильевский и С. Я. Лурье (*Breitenbach L. Einleitung // Xenophons Hellenika. 2. Aufl. Bd I. В., 1884. S. 46; Васильевский. Ук. соч. С. 129; Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.—Л., 1929. С. 187*).

LES NÉODAMODES À SPARTE

L. G. Pečatnova

L'article étudie la stratification de la société spartiate, D'abondantes sources anti-ques permettent de reconstruire la constitution à Sparte d'un groupe social particulier, les néодамоды. L'auteur démontre que l'accroissement du nombre d'affranchis spartiates issus des Hélotés était en rapport avec l'expansion militaire active de Sparte. C'est justement entre 421 et 370 — époque de la guerre du Péloponnèse et de l'hégémonie de Sparte — qu'on trouve le plus grand nombre de mentions de néодамоды dans nos sources.

S'étant détachés de l'ensemble des Hélotés, les néодамоды obtinrent non seulement la liberté, mais aussi certains droits civiques. Ils pouvaient être admis dans l'*apella* spartiate. Cependant, il ne peut pas être question d'une intégration totale des néодамоды par les Spartiates. En remplaçant ces derniers dans l'armée, les néодамоды constituaient en pratique un succédané de milice populaire. L'existence à la fin du Ve et au début du IVe ss. d'un contingent suffisamment grand d'affranchis à Sparte témoigne certainement aussi d'une transformation non seulement militaire, mais encore socio-économique de la société spartiate.